

Б. Кундрюцков

**Казак Иван Ильич Гаморкин.
Бесхитростные заметки о
нем, кума его, Кондрата
Евграфовича Кудрявова**

историческая проза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Б11

Б11 **Б. Кундюков**
Казак Иван Ильич Гаморкин. Бесхитростные заметки о нем, кума его, Кондрата Евграфовича Кудрявова: историческая проза / Б. Кундюков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 190 с.

ISBN 978-5-458-27920-8

Казачий эпос в обстановке русского зарубежья. Литература русских казаков.

ISBN 978-5-458-27920-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

создал Донскую Область и пришло время ему на покой иттить, решил записать все што наперед должно случиться. Будущее, так сказать. Призвал тогда к сабе казаков, по одному от кажнаго хутора. Когда же собрались они, говорит: „Так и так, атаманы-молодцы, решил все как будет записать и вам под великою тайною передать — берегите и всем народам не болтайте, а есть вы — первые люди у меня. А што бы не затерялось писание, достаньте живую тварь, на которой наскоблить все на казачьем языке можно бы было, и которая из рода в род вам бы все передавала на сабе“.

Шумели казаки, шумели. Кричали, кричали. Советывались от этих самых слов — не помогать. Выпили, не помогать. Запели песни:

„Ой-да ты подуй, подуй!“

Не помогать. Ешшо выпили — ну, ни одной мало-мальски приличной мыслишки на сей предмет не имеется. Ешшо выпили — темнота в голове, а как хватили ешшо — глупостью эдакой просветление сошло и выдвигается в круг на карачках Пал Сандрыч.

— На бабе написать надо, завсегда прочитаем и запомним. И плодятся они быстро, быстрее казаков и не каждый против них устоит.

Подумали все — не годится. Во-первых, мало уважения к себе вызывает, во-вторых, не всякому разглядеть можно. Иная кусочек покажет, а все дочитать и не даст. Женись, мол, на Будущем Завете, да и... вообще.

Решили, — того, не подходит живая эта тварь, да и скоблить опасно — на какую наскобишь. Ну, не подходит, словом.

Ходють есаулы, покрикивают, кто какую тварь удумал, вопрошают, што-б без шерсти и не очень опасная была... Шумят...

И бегеть тут Афонька, Грекова Петра Иваныча, сынок. Это не того Петра Иваныча, што до генерала дослужился, нет — не ево, а другой. Бегеть Афонька с Мишкина хутора.

— Пымал, — шумит, — тварь...

Ну, кто вскочил, качаясь от выпитого вина, кто на коленки стал, а кто и головой только мотнул хмельной — загомонили все:

— Пымали. Пымали, раз-этакую...

— Иде, Афоня, пымал?

— Возли ерика пымал... Перебрел, стало быть, колено, к ерику иду, а он от мене... Я за ней... Она от мене... Но тут пришли вовсе ей концы...

Протянул Афонька сжатый кулак, в кулаке — ящер, язычек кажется и вообще жидкость из себе пущаить...

Поднесли тварь и стал Бог над нею стараться. Прежде у нее спина была в один цвет выкрашена, а тут проскабливается светлый, ежели смочить, поплевать, скажем... Расписался, значит... Пишет час, другой, третій... а наши выпивают и песни играют...

Афонька-ж глядит, не дышит. За плечом примостился, ну, прямо, сопلي некогда вытереть. Чем дальше подсматривает, подлец, тем ему страшней и жутче... Тайна, вить, какая открывается... Читает Афонька по складам — глаза таращит. Бьется сердце, ах, как бьется у нево... Все-то на спинке прочитать можно, и как, и вообще, што произойти должно, и как все обернется, каким, значит, образом... Увлекся казаченок, а наши выпивают и песни игра-

ют... Разбираить Афонька:

...казаки-ж Донские имеют особое назначение... А назначение сие, в том состоит, што...

Тут Гаморкин остановился и торжественно смотрит на меня. В его взгляде, горящем неподдельным вдохновением, мне кажется немой вопрос: интересно? Потом он медленно-медленно расправляет усы и продолжает:

— Добрался Афонька до того, што было самое расчудесное в той записи, да ка-ак ахнет...

— Ть-ю... — ахнет... Неожиданно так, как пистолет. Испугал тварь-то. Те, которые Усть-Медведицкие — ничего... Пьют и песни играют... Ну, а низовые — кто как... Бегут... — кто на двух ногах, кто на четвереньках, а кто и на животе, ползком, во все стороны — ловят ящерку... Увивается она промеж казаков. А на спине-то невысохшее еще... Путаются и буквы и слова. А тут ешшо Пал Сандрыч на хвост наступил. Оторвался хвост и побежал в другую сторону. Когда его ухватили, на хвосте одна точка и восклицательный знак только и стоят. Конец, стало быть...

Воскликнул тут Пал Сандрыч:

— Не иначе, черт безхвостый, в сусликову нору ушла. У бабы хвост не оторвался-б, шалишь...

Кто на двух ногах, кто на четвереньках...

Поймали какую-то ящерку, оказалась — с хвостом. У ней тоже проступили на спине какие-то знаки, малопонятные — никто ничего не разберет.

Обернулись — кругом никого нет. Кто-ж его догадается, што написано.

— Афоньку найти, — сказал кто-й-то.
Пал Сандрыч на землю прилег, в сусликову нору всматривается.

— Не видать, — говорит, — ни ящери, ни Афоньки с Мишкина хутора.

Однако-ж, разыскался Афонька. Только ничего добиться от него нельзя было: с перепугу от Божьего гнева, язык отнялся и в разуме помутнение вышло...

Иван Ильч лукаво улыбается — понял, мол, иль нет. Я не спорю, так как спорить бесполезно, довольствуюсь тем, что равнодушно говорю;

— Значит будущее от нас, казаков, скрыто?

— Навек...

— Но будущее, надо предполагать, такое хорошее?

— Во-во... Громкое. Даже Афонька от волнений с ума спятил.

— Ну это еще ничего не доказывает.

— А ящери?

— Что ящери?

— Ящери убежал, вить?

— Убежал...

— И письма на ем есть. Откудова тогда эти письма?

— Какие же то письма? То природа разукрасила.

— А природа не Богом создана?

— Богом.

— То-то вот и оно...

Гаморкин довольно крякает и, отвернувшись от меня, устраивается вздремнуть в обеденный перерыв. Так мы работаем уже неделю. Каждый день на пай выезжаем. Мне хоть и

нарезали тоже пай, но я его в аренду сдал, а жил пока и работал у Ивана Ильича...

В часы отдыха ведем мы с Гаморкиным замечательные разговоры. Свела нас судьба случайно; сошлись казак Гаморкин, да казак Кудрявов и пошла у них друг к другу роста привязанность. Все связываемся и связываемся этаким калмыцким узлом...

Теперь, пожалуй, нас ни водой не разольешь, ни мечом не разрубишь; сам черт не разъединит наши души...

.

В этот день Иван Ильич часто задумывался.

Не слыхал даже, как я, воды напившись, цыгарку скутил и под воз устроился...

— Что-то ты невесел нынче Ильич? — сказал я.

Была у него манера старыми казачьими поговорками отвечать. Усмѣхнулся пренебрежительно, по потной бритой головѣ провел ладошкой и отвечивал.

— Кто язык развязал, — шашку в ножны вложил.

— На кого-же тебе с шашкой сейчас наскакивать?

Лениво прошевелил я языком — усталость давала себя чувствовать...

— С шашкой, ни с шашкой, а человек я — казак общеизвестный, во всей земле Донской прогремел, можно сказать... Не пригоже мне слова пустые выговаривать...

— Не в духах? — спрашиваю.

— Раздумываю на всяческие исторические темы.

— А позвольте узнать — лъщу ему грубо — о какой-такой материи раздумываете?

— Да материя известно какая: общественные казачьи дела-с...

Вот ты маракуй, Кондрат Евграфыч... Перемысли такое обстоятельство. Нет у мене маманьки, Царствие ей Небесное, живу с батяней, а иной раз все так и вспоминается, как наша полная семейная жизньюшка текла. Как быдто сычас ето все было...

Выпьет это мой отец, Илья Оомич, малую толику, да на маманьку и наскочит...

— Ты меня не слухаться? — говорит и почнет бить ее по всевозможным местам, а она смеется и в пущее бешенство его вводит. Уж я большой был и сидел, помню, с пьяным отцом в курене. Напился он, и-и-и-и, здорово!... Кур хворостиной по леваде гонял, што-б, ровно голуби на небеса летели... Потом, значит, за меня принялся. Маманька, в те-поры в станицу по делам ушла, а он меня и поймал, да и стал рассказывать... И спьяну, заметь, а интересно, быдто сказка...

— Я, Ванюшка, твою мать бью на... мифологическом основании...

Враз меня заинтересовал.

Што-й-то я ел, да так с открытым хаволом и остался... Сгреб айданчики, в карман уложил, сачку в другой. Айданчиков у меня была тьма-а. Все сачкой наиграл, она у меня была чи-ижолая от свинчатки-то и в синюю краску выкрашена. Хороша-а-а...

— Дальше то что, Ильич?

— Дальше? — с сожалением отрываясь от воспоминаний, с мечтательными глазами тянет Гаморкин — дальше, поднял папанька

брови, да как бабахнет по столу кулаком... От такого сильного вступления я ешшо больше заинтересовался и мурашки даже у меня поползли по спине, стал я весь — слух и внимание...

Дед, мол, мне, Ивашка, сказывал, Оома Оомич... Въ древности, значит, была степь и Дон текётъ по ней... Текётъ и гекётъ... В те поры казаки по миру шатались конными и место сабе подходящее искали — где-бы приткнуться?

И шел, яко-бы, с кибиткой при девяти конях, распра-прадед наш Силетий Гаморкин. Сказывали, напоследках, он до святых дослужился и стал мучеником за веру. Идет Силетий и с ним стремя в стремя — сват его Гаврил Яковлевич Араканец. Только с гор сошли, в степь взошли — говорит Силетий:

— А, што, сват, не устроиться ли нам на ровном месте?

— Отчего-же... — отвечает Араканец — можно... И к тому-ж все видать — кто и как... Чи сзади, чи спереду... К тому-ж — река и имя ей Амазоний... (Это Дон наш так ране прозывался).

Подняли крик.

— Атаманы-молодцы, не пора ли нам на этом месте присосаться?

Собрались все и стали станом. Кто вверх пошел, по реке поднялся, кто по речушкам запольным и иным прилаживается на житье... Народ там уже какой-то жил — высококультурнай... Ничего сабе — вежливый... Потеснился, а потом и совсем исчез. Кой-какие штуки переняли, елени в Войсковую печать вставили. Ничего — живем... Баб только нет... А

иначе культура высокая: землю поделили, табуны водим, рыбу ловим, набеги правим — все честь-честью... — культура!... А баб нет... Што за притча такая? Поймали одного.

— Ты кто?

— Скиф.

— Здорово приятно... Дозвольте станичник за ручку подержаться... Скажи-ка, любезная, иде бабье ваше?

Махнул на восток рукой.

— С царицей ушли...

Переглянулись казаки — што за притча такая?

— Зачем?

Хотел он што-то ответить, только слышим, труба играть и в степи пыль столбом стоит. Конечно, все к валам кинулись. Тут Силетию его-ж конь в переполохе копытом на мозоль наступил. Хотел распра-прадед наш крикнуть, а уже сват его орет благим матом.

— Мать твою за ногу... Жены приехали...

Смотрят казаки — действительно, тысяч несколько бабья прискакало. Лихо это так выглядят... Волосья у них развеваются. Шкуры висят и все прочие причиндалы — все как есть, на своем месте... Силетий тут и закричал:

— Станичники-и, разбирай!

А передняя, стройная, да красивая, вылетела наперед на караковом жеребце, Царица, значит, Кондрат Евграфыч, руку ввысь подняла.

— Што, за народ в мою страну прекрасную влип?!

— Казаки, — галдят наши.

— А государство ваше?

— Казакия.

Засверкала глазищами, под ними коричневые круги, пылью запорошенные, а зеньки — так и жгут, так и жгут.

— Иде-ж оно?

— А где станем, там наш и Присуд Казачий.

Но тут к ней Силетий подошел, перевел разговор на другую сторону. Так, мол, и так...

— В этом округе, я — Окружной Атаман и сойти вам с коняшки не угодно-ли? К тому же казачек у нас вовсе нет... Не плодимся и не размножаемся в этих местах. Народу же Казачьяго — четыре тышши двести семь человекков. С твоими мужичками таперь до десяти тышченёк набегит.

Как глянула она на него... Как вздыбит коня...

— А-а-а. Захватчики!...

— А и не правда, отвечают ей, хозяйками ушли, хозяйками и будете.

Тут и ее конь Силетию на мозоль наступил... Вскинулась она опять.

— Што-б это я мушчине покорилась?... Да ни в жисть такому сраму не бывать...

Как стебанет Окружного Атамана плетюганом через лоб, Силетия, значит.

Свернулся распра-прадед наш калачиком, глаза у него чуть не выскочили...

— Так, — взвыл он, — дык так? Добре; хватай, — командует, — не мытьем, так катаньем. Урра-а-а!

Начали казаки девок ловить. А те, подлюги, до убийства дошли — обороняются.

Сват Гаврил Яковлевич Араканец одну рыжую присмотрел, расслышал что ее подруженьки в жарком бою, Лисиппой кличат — попёр к ней... Она его решительного вида испужалась и кинулась наутек. А он за ней в догон пошел. Идет и зовет.

— Лисиппа, Лисиппа... Куды-ы-ж ты? Я тебе научу сковородки мыть.

Што бою было... Четыре дня бились... К концу Силетий, а он Царицу себе завоевывал, у нас-то Гаморкиных — губа не дура, весь опух и на руках ходил мозолями в небо — но все-ж таки ожанился на ей... Ху-у... Ужасные времена. Допотопные, можно сказать, страхи!...

Стало Казачьего Народа вдвое более прежнего.

Только... всегда, как значится к супружеским обязанностям, или там к чемунибудь иному подступать приходится, завсегда сперва началу надо за патлы потаскать и в полное безсилие привести. Упорные были — прямо чудеса. Теперь-то вроде нечего — образовалось все и в норму вошло. Да-а, Ивашка. Таки-то дела, — бывало скажет с сокрушением отец мой.

— За то и бью матку твою. Много в ней, этого-самого, мифологического осталось. Никак к Казачьему обычаю не привыкнет. А через Царицу Скифскую распра-прадед наш Силетий Гаморкин и в мученики попал.

— Моgetь это все и правда? — изподлобья установился на меня Иван Ильич, а когда я, услышав в его тоне полу-вопрос, открыл рот, он сурово и внушительно добавил.